

Г. В. Кретинин

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ – МЕСТО ПАМЯТИ РОССИЯН

86

На конкретных примерах с учетом личных впечатлений анализируется проблема формирования российской идентичности жителей области. Обращение к популярному понятию «место памяти», конкретизация его на примере «калининградской земли» (Калининградской области) позволяет вести речь о сильном региональном (калининградском) компоненте идентичности. Общественное сознание местного населения испытывает влияние прошлой (прусской) истории на формирующуюся коллективную память. Многообразие мест памяти в регионе с различными национально-культурными особенностями требует особого подхода к ранжированию их идентичностных нагрузок.

The author of the article analyzes the shaping of the Russian identity of the region's inhabitants on particular examples and personal impressions and experience. A common term "the site of memory" applied to the Kaliningrad region, makes it possible to speak of a strong regional, or Kaliningrad, component of identity. The regional public consciousness and particularly its collective memory, which is in the process of its shaping, is influenced by the previous German (East Prussian) history. The diversity of memory sites in the region with different national and cultural characteristics requires a specific approach to ranking the identity emphasis.

Ключевые слова: культура, история, память, идентичность, Калининградская область, Восточная Пруссия, монументальный ландшафт, история края, социальные группы

Keywords: culture, history, memory, identity, Kaliningrad region, East Prussia, monumental landscape, history of the region, social groups

История распорядилась так, что территория Калининградской области оказалась частицей российской земли, на которой сформировался монументальный ландшафт, хранящий память о войнах прошлых веков. На ней пришлось воевать, проявлять героизм и погибать русским солдатам, а затем – восстанавливать и обустраивать ее жителям новой российской области.

Хорошо известно, что в XVIII в. на прусской земле проявили себя полки под командованием генерала П. А. Румянцева, артиллерийскими орудиями у Гросс-Егерсдорфа командовал двоюродный дед Пушкина И. А. Ганнибал. В войнах с Наполеоном отличилась мощная плеяда российских военачальников – генералы и офицеры М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, Н. М. Каменский, Д. В. Давыдов и другие. В Первой мировой войне на полях Восточной Пруссии мужеством и военным талантом блеснули генерал Н. А. Епанчин, ротмистры П. Н. Врангель и В. Б. Бушнев, их боевые товарищи.

Массовый героизм, беззаветное служение своему Отечеству проявили наши деды и отцы на прусской земле в смертельном бою с фашизмом 1944–1945 гг. Да, подвиг советского солдата велик – сотни тысяч солдат с боями прошли по этому клочку земли! Совсем маленькая толка их имен, как и их предшественников, отражена на карте нашей области. Как сказал Р. Рождественский: «...на всей земле не хватило мрамора, чтобы вырубить парня в полный рост!»

Действительно, в долгу перед ними мы будем всегда. Но память о них личную, память историческую, память места – хранить обязаны! Начиная с генезиса феномена военно-мемориального наследия XVIII–XX вв. и вплоть до современного восприятия и представления о свершенном ими тогда и обсуждаемом сегодня.

* * *

Если использовать понятие Пьера Нора «место памяти», *Калининградская земля* – это не просто географический объект в узком понимании этого слова. Функция этого объекта заключается в объединении и сохранении духовного и материального в памяти группы людей, калининградцев. Да, выделенное таким образом место памяти естественно стало символическим, оно призвано создать (и уже создало) представление общества, калининградцев, о себе и своей истории¹. И здесь интерес вызывает подход П. Нора к терминам «память» и «история». Французский исследователь подчеркивает, что они не являются синонимами.

Память – это жизнь, носителями которой выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет... История – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, существует столько же памятей, сколько и социальных групп... она множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное [6, с. 20].

---

¹ Хотя это несколько упрощенное представление о предмете нашего изучения. В частности, И. Дементьев утверждает, что «культурная память калининградцев структурирована по четырем уровням: европейский (немецкий национальный), восточнопрусский региональный, российский национальный, собственно калининградский» [1, с. 28].

Столь длинная цитата была приведена для того, чтобы показать различия в подходах к оценке истории и памяти прошлых (довоенных), послевоенных и сегодняшних (живых) социальных групп, в смене «мест памяти».

После окончания Второй мировой войны прошло почти восемьдесят лет. Война внесла существенные коррективы в начертание государственных границ в Европе и, в частности, в юго-восточной Прибалтике. Естественно, что она оказала влияние и на формирование послевоенного общественного сознания. Более того, этот процесс не завершился, он продолжается и, видимо, будет длиться еще достаточно долго.

В историческом плане калининградцы в результате послевоенных реалий оказались в таком уголке Европы, где непосредственно соприкасаются интересы нескольких национальных культур; где, возможно, больше, чем в каком-либо другом регионе, будущее зависит от восприятия прошлого и оценки настоящего.

Специфическая история часто вторгается в наше сознание, расширяет границы нашей памяти, заставляет думать не только об особом историческом прошлом городов и провинции (ныне — области), которым более семи столетий и которые три четверти века тому назад из немецких (пруссских) стали российскими. Очевидно, речь идет и об этнокультурной составляющей нашего сознания.

Общественное сознание калининградцев с начала их переселения в область испытывало противоречивые воздействия формирующейся общественной психологии и безраздельно господствовавшей в послевоенное время идеологии.

Несомненно, в конце 40-х — 50-х гг. прошлого века послевоенная составляющая общественного сознания советского населения в регионе уже превалировала. Да, сразу после войны *Восточная Пруссия* как место памяти еще существовала — истоки этого места памяти уходили в тевтонские времена. Носителями такой памяти выступали живые социальные группы. Война разрушила прежний социум, а в калининградской среде было сформировано однозначное отношение к Восточной Пруссии как колыбели прусского милитаризма, фашистской твердыне. Затем эти позиции смягчались, пока в конечном итоге не привели к пониманию того, что Восточная Пруссия и Кёнигсберг — это в определенной степени и прежде всего символ мужества и героизма советских солдат, которые одержали здесь военную победу и которым были поставлены первые советские памятники. Началась коммеморативная деятельность, стали формироваться первые места памяти новой группы людей (правда, еще до появления терминологии П. Нора). Несколько позже этот уголок Балтики начал восприниматься как земля, ставшая родной для сотен тысяч пострадавших в годы Второй мировой войны россиян, как неотъемлемая часть России. Российское восприятие образа Восточной Пруссии, Кёнигсберга, Тильзита так или иначе было зафиксировано в общественном сознании калининградцев, в их исторической памяти.

К концу советского времени, в 1980—1990-х гг., в жизнь вступило поколение жителей области, уже имевшее здесь исторические корни.

Практически исчезли последние следы войны, хотя она иногда напоминала о себе и позже. Появилась некая общность людей со своими традициями, менталитетом, всерьез задумывавшаяся о своей идентичности, участвовавшая в формировании исторической памяти калининградцев. Это поколение выросло с осознанием того, что города и поселки, в которых оно живет, стали российскими по итогам Второй мировой войны.

Да, война прервала одну культурную традицию и создала новую, но они не могут существовать изолированно друг от друга и та, более старшая, так или иначе оказывает свое влияние на калининградскую. Следы прежней (прусской) памяти, памяти места, сохранились на калининградской земле. И это понятно. Другое дело, что вся эта материальная основа существовала, как сказал П. Нора, вне истории — в том, «чего больше нет», ибо калининградцы как будто не проявляли особого интереса к ней. Но вот именно «как будто».

Реально же понимание того, что общественное сознание надо развивать, совершенствовать, продолжать формирование новой этнокультурной идентичности, корректировать региональную историческую память, становилось все более и более необходимым. Наметились совершенно иные подходы к пониманию того, что мы называем региональной историей. Какие ее хронологические рамки? Не мог же Кёнигсберг просто так превратиться в Калининград? Конечно, важнейшую роль здесь и должны сыграть объекты (сохранившиеся, восстановленные и заново созданные, да и утраченные тоже) историко-культурного наследия. Все более и более активными становились коммеморативные действия властей и общественных институтов, активизировалась частная инициатива. Формируемые места памяти стали включать в себя материальные объекты довоенной культуры, что правда, не всегда отвечало исторической необходимости.

На первый план здесь и выходит такое место памяти, как Калининградская область (земля) в ее духовно-материальном единении с прошлым.

Предваряя свои рассуждения, я назвал основные исторические события на калининградщине, уже отложившиеся в общественном сознании. Однако российская история, связанная с Пруссией, берет свое начало даже не в XVIII в., а, как документально подтверждено, по меньшей мере, 500 лет тому назад (в легендарном отношении и того больше — именно здесь искали истоки многих русских дворянских родов, по легендам восходивших к рубежу I и II тысячелетий).

В начале XVI в. Тевтонский орден в борьбе против Польской короны обратился к Москве. Великий князь Василий III тогда вел борьбу за Смоленск с Польшей, заключив союз с Тевтонским орденом. Когда польские войска вышли на подступы к Кёнигсбергу, Василий III помог верховному магистру Альбрехту Бранденбургскому военными кредитами. Кёнигсберг устоял, московские деньги помогли. Н. М. Карамзин сообщает, что кредит составил 625 пудов серебра (см.: [3, с. 47]).

Современные российские исследователи более категоричны — так, А. Н. Лобин утверждает, что Россия фактически финансировала боевые действия ордена против общего противника [5, с. 15]. Ранее немецкий историк К. Форстройтер отмечал, что Москва потратила на помощь ордену 60 тыс. талеров [8, S. 106]. Наша современница немецкий историк М. Зах упоминает несколько другую сумму — 37 тыс. гульденов, но она же сообщает, что Альбрехт потратил на войну с Польшей 55 тыс. гульденов [9, S. 417]. Кстати, верховный магистр пытался получить от Великого князя недостающие средства уже после окончания войны с Польшей. С этой целью он даже направил в Москву своего посла Клингенбека, но, увы, безуспешно — Василий III закрыл кассу. Трудно сказать сейчас, сколько набежало процентов за полтысячи лет, но явно немало.

В середине XVII века между сторонами — Московским государством и Бранденбургом, которые представляли русский посланник И. Францбеков и курфюрст Фридрих Вильгельм соответственно, — был заключен договор о взаимопомощи и свободной торговле. Переговоры велись в октябре-ноябре 1656 г. в замке Лабиау — он сохранился в городе Полесске Калининградской области. В итоге договор с Россией в решающей степени способствовал реализации вековой мечты пруссаков — получению герцогством Пруссия независимости от Польши.

И еще о Лабиау. В 2022 г. вся страна будет отмечать 350 лет Петру I. Двадцать первого апреля 1716 г. в этом городе Пётр принял на себя командование галерной эскадрой, привел ее в Гданьск и вскоре в звании вице-адмирала получил под свое командование на Балтике четыре флота — России, Англии, Голландии и Дании [2, с. 19]. Пётр освоил своими морскими десантами не только речные фарватеры прусских рек и каналов, но и Ботнический залив, как должное воспринял титул императора Российского (пруссский король Фридрих Вильгельм I первым признал и поздравил его с таким высоким титулом!).

Памятником двухсотлетней российской политики на Балтике как раз и был замок Лабио (Лабиау). Это уже одно из мест российской памяти, важных для калининградцев — той социальной группы, которую она спланирует и которой необходима память о прошлом. Надо отметить, что одноименные замок и город в последующие столетия сыграли значимую роль для петровского государства, для России. Так, например, в Семилетнюю войну, опираясь на местные возможности и инициативу русских офицеров, россияне в феврале 1761 г. в окрестностях Лабиау буквально спасли население более 70 прусских деревень от наводнения (в округе ураганом были разрушены защитные дамбы); остался в анналах военной истории и разгром под Лабиау французских войск в начале января 1813 г. (см.: [4, с. 150; 7, с. 24]).

Почему такое внимание привлекает Лабиауский замок, а не, например, Гердауэнский в пос. Железнодорожном, столь популярный у калининградцев?

В настоящее время в общественном сознании калининградцев модной стала проблема формирования коллективной идентичности. Рос-

сийская / калининградская, или кёнигсбергская / прусская? Восстановив Лабауский замок и создав в нем, например, музей истории российской дипломатии или резиденцию МИДа Российской Федерации, можно было бы говорить о нем как о российском месте памяти — между прочим, пятивековой. Но речи о реновации Лабауского замка не идет. Другое дело — Гердауэн. Те, кто заинтересуется этим бывшим городом, его историей, обнаружат, что, в общем-то, он и для немцев ничего особенного из себя не представлял. Один из многих прусских городков. Замок в Гердауэне просуществовал пару веков и затем лишился своего средневекового колорита. В последнее время все чаще возникают разговоры о его восстановлении. И «псевдозамок», и все остальное, что сохранилось до нашего времени в этом поселке, — новодел, XIX век.

Да, это тоже место памяти. Но памяти других «мы-групп». В этом историческом образовании за семь столетий не было ничего такого, чем бы мы, россияне, могли «зацепиться» за частицу исторической памяти. Это практически полное отсутствие коммеморации.

Откровенно говоря, я рад за жителей города, которым в рамках формирования «кёнигсбергской идентичности» построили удобный для проживания населенный пункт. Но память этого «места» для россиян ограничивается всего несколькими десятилетиями. Память — вначале советская, а затем российская. И для калининградцев она особая в том плане, что в советское время в этом городке сохранялся довоенный завод по производству пива, и он славился своей качественной продукцией.

В настоящее время разворачивается кампания по реновации Тапиауского замка (в городе Гвардейске). С российской историей средневековый замок связан тем, что в нем завершил свой жизненный путь последний верховный магистр Тевтонского ордена и первый герцог Пруссии, он же денежный должник России, Альбрехт Бранденбургский. Через Тапиау водил свои корабли Пётр I, можно отметить и события Семилетней войны, и наполеоновского периода, и Первую мировую войну, и, естественно, советских героев.

Не сомнений в том, что надо приводить в порядок все населенные пункты, калининградцы имеют право жить достойно в любом уголке области — от Краснолесья у Виштынца до пос. Коса на берегу залива в Балтийске. И все же такие объекты, как Лабауский и Тапиауский замки, должны играть особую роль при ранжировании идентичностных нагрузок жителей области.

И еще немного о Калининградской земле как месте памяти. Мы прекрасно понимаем, что ее история не ограничивается восемью десятилетиями лет. Просто так предыдущие семь веков прусской истории вычеркнуть, замолчать не удастся. Но рамки эссе позволяют мне говорить и о личном — о том, как я ощущал недостаток исторического знания о прошлом этого края. Еще будучи школьником, вполне благонадежным, сыном участника Восточно-Прусской операции 1945 г., а потом — зятем

участника штурма косы Фришинг в апреле-мае 1945 г. Да, нам, поколению пятидесятых — шестидесятых годов, хотелось знать больше о прошлом этой земли. Откуда здесь памятники русским воинам 1914 г.? А барклаевское надгробие? Тогда, в 60-х годах прошлого века, ответ на подобные вопросы получить было практически невозможно.

Прошло время, началось новое тысячелетие. Вроде бы шло формирование места памяти российской «мы-группы». Но по-прежнему калининградцы, особенно молодые, испытывали большие затруднения в освоении истории того края, в котором они проживали. Эти знания мы получали в рамках школьного курса всеобщей и отечественной истории, но этого было, конечно, мало. Фонды местных библиотек почти не имели исторической литературы. Они комплектовались еще в первое послевоенное время, по случаю, по доброй воле библиотек российских регионов, деливших с калининградцами своими скудными ресурсами.

И вот пятнадцать лет назад мы решили рассказать школьникам о событиях на нынешней российской территории начиная с Александра Невского. Нет, князь, впоследствии канонизированный, в наших краях не был. Но вот его противники на русские земли отсюда хаживали! И об этом следовало знать. Начинать надо было со школьной скамьи.

Университетским историкам в 2006—2007 гг. удалось осуществить масштабный проект под названием «История Западной России. Калининградская область» — выпустить учебник для учеников 6—11-х классов средней школы. Это был российский взгляд на 700-летнюю историю края, в том числе на участие России в этой истории.

Мы смогли подготовить и издать учебник (3 книги — для 6—7-х, 8—9-х и 10—11-х классов), учебно-методическое пособие для учителей (также в трех книгах), хрестоматию (для 6—9-х и 10—11-х классов), географический атлас (для 6—9-х и 10—11-х классов), рабочие тетради (3 комплекта), интерактивные рабочие тетради (также три комплекта), две утвержденные региональным министерством образования учебные программы, рабочие материалы для учителей (также 3 выпуска). Всего свыше 20 издательских продуктов. Учебно-методический комплекс был издан «Олма-Пресс», включал пробный тираж и основной — порядка 20 тыс. экземпляров. Несколько лет продолжалось освоение учебной программы и... всё, дальше дело не пошло.

Кампания на местах по обвинению в пресловутой «германизации» проект остановила. Остановка произошла естественным образом: закончился срок «службы» бумажных носителей (учебников и учебных пособий) региональной истории. Переизданий — исправленных и дополненных — не было. Учебное время было переориентировано на занятия по другим предметам.

Казалось бы, возвращение к проекту произошло в 2012—2013 гг. благодаря академику А.О. Чубарьяну. Лестные слова Александра Огановича о проекте были высказаны В.В. Путину, сохранился его (В.В. Путина) автограф в адрес Д.А. Медведева с просьбой поддержать дальнейшую реализацию проекта по изучению школьниками «Истории Западной России».

Был образован творческий коллектив, подготовлены рабочие экземпляры, но... Теперь уже региональное руководство, «обжегшись на молоке, стало дуть на воду».

Проект не был возобновлен.

Ну, а школьники познают историю края благодаря своим учителям истории, которые, в свою очередь, нуждаются в современной учебно-методической и научной литературе. В этой части учителя как правило предоставлены сами себе. Почему?

Мне хочется привести слова Александра Сергеевича Грибоедова: «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!» Действительно, Москва далеко, за тремя границами, а мы здесь как-нибудь переживем! В результате в ход идут подручные материалы, разного уровня курсы по истории и т. д.

Истины ради отмечу, что в БФУ им. И. Канта в данный момент завершается работа над популярным изданием истории области, а региональное министерство образования стремится реанимировать вариант нулевых годов — пока, правда, не очень успешно.

Но все же сегодня мы можем и должны говорить о процессе формирования этнокультурной идентичности в Калининградской области. Основу ее составляет и еще долго будет составлять память о россиянах, имевших отношение к истории этой земли во все времена и при всех народах. Это объективно. Другое дело, что меняется характер этой памяти. Она становится более выдержанной, приобретает новые оттенки, расширяются ее хронологические границы, формируются и появляются новые места памяти. Именно поэтому мы можем уверенно говорить о своем будущем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности» в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Дементьев И. Калининградская область как зона диалога культур и столкновения мест памяти // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти: сб. науч. ст. ; под ред. Ю. Костяшова, О. Курило. Калининград, 2012. С. 24–32.
2. Журнал или поденная записка, блаженный и вечнодостоинья памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштагского мира. СПб., 1770. Ч. 1.
3. Кретинин Г. В. Н. М. Карамзин: к истории использования документов Кёнигсбергского архива в работе над «Историей государства Российского» // Слово.ру: балтийский акцент. 2016. Т. 7, №4. С. 39–48.
4. Кретинин Г. В., Мегем М. Е. Прусский губернатор В. И. Суворов // Вопросы истории. 2021. №4-1. С. 144–151.
5. Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. №1. С. 11–26.

6. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17 – 50.

7. Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии : сб. док. / под ред. Л.Г. Бескровного ; сост. Р.Е. Альтшуллер, В.И. Головников [и др.]. М., 1964.

8. Forstreuter K. Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg: ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. Göttingen, 1955.

9. Sach M. Hochmeister und Grossfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002.

Об авторе

94

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

The author

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com